

K. A. Полозова, A. A. Федотов. Гендерный аспект реализации законодательства, регулирующего религиозную сферу в СССР в 1929—1990 гг.

30. РКЖБН. СПб. : Деловая полиграфия, 2007. Т. 5 : Вологодская губерния, ч. 2 : Грязовецкий и Кадниковский уезды. 840 с.
31. РКЖБН. СПб. : Деловая полиграфия, 2007. Т. 5 : Вологодская губерния, ч. 4 : Тотемский уезд. 808 с.
32. РКЖБН. СПб. : Деловая полиграфия, 2008. Т. 6 : Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. 600 с.
33. РКЖБН. СПб. : Навигатор, 2009. Т. 7 : Новгородская губерния, ч. 2. 624 с.
34. Селиванов В. В. Год русского земледельца : зарисовки из крестьянского быта : Зарайский уезд Рязанской губернии. Изд. 4-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 152 с.
35. Смоленский этнографический сборник / сост. В. Н. Добровольский. СПб. : Тип. С. Н. Худекова, 1893. Ч. 2. 447 с.
36. Титов А. А. Юридические обычай села Никола-Перевоз Сулотской волости Ростовского уезда. Ярославль, 1888. 113 с.
37. Тихонов В. П. Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Тр. этнографического отдела ИОЛЕАЭ : сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России : (обычное право, обряды, верования и пр.). М., 1891. Вып. 3. С. 2—146.
38. Толстая С. М. Одежда // Славянские древности : этнолингвистический слов. М. : Междунар. отношения, 2004. Т. 3. С. 523—533.

ББК 67.3(2)6+63.3(2)6-37

K. A. Полозова, A. A. Федотов

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО РЕЛИГИОЗНУЮ СФЕРУ В СССР В 1929—1990 гг.

Советское законодательство, регулирующее религиозную сферу, оформилось в 1929 г. принятием постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» и с незначительными изменениями действовало до 1990 г., когда было принято союзное и российское законодательство о свободе вероисповеданий. Хотя в Советском Союзе и провозглашалось равенство мужчин и женщин, реализация законодательства о религии не всегда этому тезису соответствовала.

В некоторых советских законодательных актах прямо прописывалось запрещение создания, например, чисто женских кружков при религиозных объединениях, что косвенно свидетельствовало о неравноправии полов, т. к. женщины были в массе более активны в религиозном плане и, возможно, по мнению составителей постановления 1929 г. и документов, регулирующих его применение, требовались дополнительные законодательные ограничения этой активности. Религиозным объединениям запрещалось «организовывать как специально детские, юношеские, женские молитвенные и другие собра-

ния, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т. п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь» [10, с. 87]. Как отмечал в 1972 г. в докладе Комитету прав человека в СССР «Законодательство о религии в СССР» И. Р. Шафаревич, «выделение женщин особенно удивляет в наш “век равноправия”» [18]. Впрочем, в реальности наибольшие меры по ограничению внешних проявлений религиозности предпринимались все же в отношении мужчин.

После принятия «сталинской» Конституции, предоставлявшей всем гражданам равные права, постановление 1929 г. вступило с ней в противоречие. Это связано с тем, что Конституция СССР 1936 г. была принята в диалектически противоречивый момент истории Советского Союза: декларативность всевозможных свобод граждан на практике оборачивалась подчас произволом внесудебных органов; воля И. В. Сталина значила намного больше любых писанных законов; верующим давались равные права с атеистами (и то не в полной мере: говорилось о свободе антирелигиозной пропаганды и о свободе лишь отправления религиозного культа). Кроме того, правительенным постановлением в 1932 г. была объявлена безбожная пятилетка и подразумевалось, что права верующим будут даны, но воспользоваться они ими не смогут, потому что в силу реализации ряда мероприятий исчезнут как социальная группа.

В условиях широкомасштабных репрессий в советские годы Православие сохранилось в России «во многом благодаря женщинам (так называемым “белым платочкам”, представительницам низкостатусных групп)» [1, с. 101]. По словам Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, «сильные мужчины, делавшие карьеру, образование, даже сохраняя в сердце веру, боялись присутствовать на крещении своих детей, хотя знали, что их крестили, боялись сами перекрестить свой лоб, хотя в глубине души оставались верующими. А кто сохранил веру в нашей стране? Жены-мироносицы, наши матери и бабушки, те самые, которые ничего не боялись» [3].

Особенности атеистической работы, в рамках которой и осуществлялось на практике правоприменение законодательства о религии, с женщинами и мужчинами были разными, как и методы давления на них.

О соотношении количества мужчин и женщин — прихожан в период антицерковных репрессий, инициированных Н. С. Хрущёвым в 1958—1964 гг., косвенно можно сделать вывод по данным проведенного в их рамках так называемого единовременного учета. Проверялось не только количество церковных зданий, их площадь и другие габариты и даже не только количество совершаемых треб, но все, вплоть до того, сколько людей посещает храм в дни церковных праздников. Так, посредством единовременного учета 1961 г. было установлено, что в Костромской области разовое посещение церквей в дни больших религиозных праздников составляет около 22 тыс. человек [6, д. 44, л. 23].

По данным уполномоченного Совета по делам религии при Совете министров СССР по г. Москве, в день праздника Благовещения Пресвятой Богородицы 7 апреля 1959 г. в Москве функционировали 36 церквей, в которых со-

вершались две литургии в 8 и 10 часов утра. Количество посетивших церкви в этот день составляло около 90—100 тыс. человек, подавляющее большинство, 90—95 %, присутствующих были женщины и только 5—10 % — мужчины престарелого возраста [7, д. 254, л. 3].

Как отмечал в 1962 г. уполномоченный Совета по Тульской области, на церковных службах присутствовали, как правило, женщины пожилого возраста — до 85 %. Мужчин пожилого возраста было 10 %, молодых людей — не более 5 %, детей почти не было [9, д. 39, л. 36—37].

Из вышеприведенной информации видно, что в Русской Православной Церкви, являющейся наиболее широко представленной централизованной организацией в Советском Союзе, мужчин среди соблюдающих церковные установления в этот период было существенно меньше, чем женщин. Это связано как с большей религиозностью женщин, так и с тем, что по православным канонам только мужчины могут быть священнослужителями, и, следовательно, каждый мужчина, живущий активной церковной жизнью, рассматривался соответствующими государственными органами как потенциальный священнослужитель, а значит, требовал больших усилий по оказанию на него давления со стороны государства, в том числе законодательно не регламентированного.

Большие препоны ставились перед теми, кто хотел получить богословское образование. Например, в 1972 г. в Ивановской епархии почти 50 % духовенства не имели духовного образования [15, с. 66]. Одной из причин этого были всеобщие препятствия, которые местные органы советской власти ставили на пути появления в епархиях новых священнослужителей из числа закончивших духовные семинарии и академии [7, д. 285, л. 52].

Очень мало среди священнослужителей было людей, имеющих высшее светское образование. Это связано с политикой государства того времени. Считалось, что религия несовместима с наукой, а потому в духовных учебных заведениях не могли изучаться светские общеобразовательные дисциплины, а в светских учебных заведениях не могли изучаться богословские науки. Перед каждым, желающим поступить в семинарию, власти ставили большие препоны.

Так, уполномоченный Совета по Тульской области в информации от 9 сентября 1960 г. сообщал, что в результате «работы», проводимой с тремя молодыми людьми, подавшими заявления о поступлении в духовные семинарии, один забрал документы и подал их для поступления в лесной техникум, второму не дал рекомендации для поступления епархиальный архиерей и лишь один поехал сдавать вступительные экзамены [9, д. 37, л. 6—7].

Другой пример. В августе 1973 г. уполномоченный Совета по Костромской области получил от уполномоченного Совета по Московской области следующее письмо: «В порядке информации и принятия соответствующих мер сообщаю, что в МДС из Костромской области подали заявление на учебу на 1973—1974 учебный год следующие лица <...> Если располагаете на указанных лиц компрометирующими материалами, то сообщите не позднее 15—20 августа сего года» [6, д. 137, л. 9]. Такие письма рассыпались по всем областям. Получив данный циркуляр, уполномоченные начинали активную работу с «указанными лицами» с целью не допустить их обучения в духовной школе.

Аналогичные письма рассылались даже в годы перестройки, правда более лояльно сформулированные: «Заявление о приеме на учебу в МДС на 1985—1986 учебный год подал гр. (Ф.И.О.), проживающий в Вашей области (крае, республике). Прошу Вас к 15 августа с. г. сообщить нам характеризующие данные на абитуриента» [6, д. 207, л. 18]. Даже в 1987 г. верующему человеку, особенно имеющему высшее образование, было непросто поступить в духовную семинарию [6, д. 216, л. 4—11].

Как отмечал в информационном отчете за 1983 г. уполномоченный Совета по Смоленской области, «архиепископ испытывает большие трудности в подборе людей из местного населения для направления на учебу в духовные учебные заведения и посвящения в духовный сан. За отчетный год ни одного человека не было направлено в духовные учебные заведения, ни один не был рукоположен» [8].

Представляет интерес план работы с епархиальным архиереем, составленный уполномоченным Совета по Калужской области на май — декабрь 1964 г. В нем, в частности, написано: «...умело добиваться от него, чтобы епархия искусственно не поддерживала приходящие в упадок церковные приходы, а также: производить богослужения в церквях, находящихся в сельской местности, не каждый день, а только в воскресные дни и религиозные праздники; не направлять при наличии желающих в духовные учебные заведения лиц, не отслуживших в рядах Советской Армии; не посвящать в сан священников и диаконов из числа граждан, окончивших высшие учебные заведения или специальные техникумы и училища» [5].

С юношами, подавшими прошения в семинарию о приеме на учебу, встречались местные уполномоченные, партийные и комсомольские деятели, работники КГБ и военкомата и различными способами, вплоть до отбиания паспортов, удерживали их от поступления. Поступающих часто брали на военные сборы на период сдачи вступительных экзаменов, иногда уже принятых отказывали в прописке [5].

Протоиерей Николай Винокуров вспоминал об этом так: «Когда я вернулся из армии <...> мне пришел вызов из семинарии <...> И вдруг — вызывают в военкомат, отбирают военный билет <...> приходится ждать. Я спрашиваю военкома: “Я же только из армии пришел, пять месяцев назад?” — “А Вас на переподготовку”. — “Какая же переподготовка после службы в стройбате?” Ну, я понял тогда, в чем дело. Стал проходить комиссию, и на две недели меня задержали» [11, с. 4]. Правда, о. Николаю удалось тогда поступить в семинарию. Но многим не удалось. Например, в 1961—1962 гг. из 560 юношей, подавших заявления о приеме в семинарию, 490 в результате «индивидуальной работы» забрали [19, с. 376]. Судьба верующих юношей, попавших в армию в те годы, складывалась по-разному. Сестра протоиерея Николая Винокурова, служившего в армии в 1958—1961 гг., вспоминала о тех трудностях, с которыми ему пришлось там столкнуться: «Верующих считали людьми второго сорта, и он попал в стройбат, где было много людей опустившихся, не имевших никаких нравственных ценностей. Особенно возненавидел Николая один солдат. Николай чувствовал это, но всегда был с ним приветлив и молился за него. И когда пришло время им демобилизовываться,

то этот солдат, никогда ранее не отвечавший даже на его приветствия, подошел и сказал: “Ты знаешь, Николай, ведь я хотел тебя убить, но что-то мне не дало это сделать. Прости меня”. И об этом человеке мой брат потом всегда молился. Было большое искушение и другого рода. Замполит части принес напечатанное на листе бумаге отречение от Бога и заставлял Николая расписаться, угрожал. Но брат ответил: “Если я подпишу это, то я буду предателем. Я этого сделать не могу”. И, несмотря на продолжавшееся давление, неизменно на такое предложение отвечал отказом» [17, с. 19].

А вот архимандрит Иоанн (Маслов) (в миру Маслов Сергей Иванович) был призван в армию в 1951 г., в 1952-м демобилизирован по болезни. Рассказывал, что в армии не скрывал своей веры. Над койкой повесил икону, и никто его не ругал, наоборот, все уважали [12, с. 7—8].

Объяснить такую разницу, наверное, можно тем, что один попал в армию в разгар хрущевских гонений, а другой — в период, благоприятный для Церкви в советском государстве.

Для женщин получение богословского образования в 1929—1990 гг. было еще более затруднено, чем для мужчин. К 1929 г. богословское образование в СССР было полностью ликвидировано, а по возрождении его в послевоенные годы получение богословского образования женщинами было возможно лишь в регентских и псаломщицких курсах и школах. Это связано с тем, что богословское образование в России того периода носило узкопрактический характер. Оно предполагало подготовку лишь лиц, ответственных за «отправление культа», но никак не теоретиков [16, с. 96].

Женщины недостаточно привлекались и к исполнению ответственных церковных должностей, не связанных с богослужебной деятельностью. Поместные Соборы 1945 и 1971 гг. мало коснулись вопроса участия женщин в церковной жизни и практически оставили его без изменения. Но в «Уставе об управлении Русской Православной Церкви», принятом на Поместном Соборе 1988 г., уже прямо говорится о привлечении женщин к работе Епархиального Собрания (ст. 28). Необходимо отметить, что в своем выступлении на этом Поместном Соборе митрополит Сурожский Антоний (Блум) акцентировал внимание на следующем: «Сурожская епархия единогласно выбрала представителем их мирян одну из самых замечательных женщин нашей английской эмиграции — вдову Николая Михайловича Зернова Милицу Владимировну. Ее выбрали, потому что она более 60 лет подряд была с мужем свидетельницей, проповедницей Православия в Англии. Через них Православие узнали, полюбили, к Православию потянулись. И ответ, который я получил от Патриархии, заключался в том, что нежелательно привезти женщину как представительницу нашей епархии. Я считаю, что в Церкви Русской здесь, так же как и везде, где большинство составляют женщины, которые здесь спасли своей стойкостью, своим героизмом Церковь в самые мрачные и страшные годы, я считаю, можно признать право за женщиной быть представительницей своей епархии, что мы можем благоговейно и благодарно относиться к женщине, а не только делать отжившее давным-давно различие между мужчиной и женщиной» [13, с. 390; 16, с. 96—97].

В то же время после реформы приходского управления 1961 г., отстранившей священнослужителей от участия в хозяйственной деятельности приходов, женщины, занимающие место старост, членов исполнительных органов, зависящие в своей деятельности не от церковных, а от советских властных структур, нередко чувствовали себя хозяйками в храмах. Так, архиепископ Ивановский и Кинешемский Феодосий в отчете в Патриархию за 1970 г. писал: «Самоуправно, дерзко и грубо ведет себя староста церкви п. Старая Вичуга А. Н. Морева, как в отношении прихожан, так и в отношении духовенства и даже архиерея. Маленький, но материально хорошо обеспеченный храм из-за ее нерадивого отношения содержится в грязном и запущенном состоянии. Священнослужителей она рассматривает как личных наемных работников. Не получая зарплаты, чтобы не лишиться пенсии, она занималась перепродажей несгоревших свечей в свою пользу; с прихожанами, духовенством и служащими Церкви была невероятно дерзка и груба» [15, с. 66].

Архимандрит Иоанн (Экономцев) в романе «Записки провинциального священника» дает такую характеристику председателя исполнительного органа прихода: «Она была полновластной хозяйкой храма. Кто ее назначил председателем несуществующего приходского совета — секрет полишинеля. Во всяком случае, к ее назначению непричастны ни прихожане, ни тем более настоятель, лишенный всякого права голоса и выступающий в качестве наемной рабочей силы. Елизавета Иванова полновластно решала, сколько заплатить священнику, сколько положить себе в карман (об этом умолчим!), сколько передать в конвертах таинственным лицам, от которых зависит ее пребывание на этой должности, сколько перечислить в местный бюджет, в Фонд мира и сколько, наконец, на поддержание предприятия¹» [20, с. 38].

Духовенство восприняло реформу приходского управления неоднозначно. Например, один из священников Костромской епархии в беседе с уполномоченным по поводу ее заявил: «С этой перестройкой я как настоятель превратился в половую тряпку, которой можно лишь подтереть пол. Никому не имею права ничего приказать. К ящику² не подходи, мною могут командовать всякие старухи» [6, д. 44, л. 19]. Аналогичное настроение было характерно для целого ряда священников. Другая же их часть пошла по иному пути: внешне они подчинялись, но фактически продолжали распоряжаться финансово-хозяйственными делами церкви, используя лично им преданных малограмотных членов исполнительных органов [там же].

Другой проблемой, касавшейся в большей степени все же женщин, были ситуации, когда они хотели крестить ребенка, а его отец нет.

Архиепископ Феодосий в 1970 г. отмечал, что для того, чтобы крестить ребенка, необходимо было согласие обоих родителей. А нередки были случаи, когда мать желала крестить ребенка, а отец нет, и наоборот. Большие трагедии для матерей, желающих крестить своих детей, возникали в том случае, когда мужья оставляли их с детьми, не расторгнув официально брака, и находились в безвестном отсутствии, обзаведясь новыми семьями. Имели место случаи, ко-

¹ Имеется в виду храма.

² Свечной ящик (здесь продаются свечи и принимаются заказы на трёбы).

гда мужья оставляли своих жен и, оформив развод, жили с другими в той же местности, совершенно не интересуясь детьми от первого брака, а между тем не желали дать согласие на крещение этих детей. И даже в таких случаях церковные советы были вынуждены отказывать матерям в крещении их младенцев. В то же время в некоторых других областях не существовало таких строгих и непреклонных правил для крещения детей, отцы которых отсутствовали или порвали общение с ними [14, с. 43].

Если же ребенка крестили без согласия отца, то были примеры обращения таких отцов в суд. Например, В. Г. Петров в заявлении в Гавриловопосадский народный суд писал: «5 апреля 1955 года в с. Пиногор в доме Деевой Анны Федоровны производились крестины детей, независимо от их возраста, самовольно служителем религиозного культа Благовещенским Платоном Гавриловичем, проживающим по адресу — с. Серболово Лежневского района, который без моего личного согласия окрестил мою dochь Наталью трехлетнего возраста, крестины детей производил в кадке, не имея на это никакого разрешения ни от меня как отца своего ребенка, ни от сельского Совета. Этим самым он оскорбил меня как члена КПСС, а поэтому прошу народный суд участка привлечь священника Благовещенского к уголовной ответственности <...> за незаконность, проявленную с его стороны, и оскорблениe моей личности» [4, л. 26].

Судья оснований для привлечения к уголовной ответственности Благовещенского не нашла, поскольку обряд совершился с согласия матери ребенка, т. е. жены В. Г. Петрова. Однако было направлено письмо к уполномоченному с просьбой принять меры к священнику [4, л. 24].

Для советской атеистической пропаганды были характерны заявления о том, что верующая мать наносит непоправимый вред своим детям, разжигание вражды и непонимания между родителями и детьми на почве отношения к религии. Например, преподаватель Ивановского педагогического института А. Галкина писала: «Религиозная мать, против собственной воли, причиняет огромный вред своим детям. Она воспитывает в них либо двоедущие, либо отчужденность от нашего общества; вместо того чтобы воспитывать в детях колlettivism, любознательность, искренность, смелость, она запугивает их божьим гневом и адскими муками, советует не смеяться, не петь; больше думать о спасении души. Ребенок такой женщины рано или поздно должен будет сделать выбор между тем, чему учит мать, и тем, чему учит школа. Такой выбор никогда не проходит безболезненно. Ребенок либо теряет уважение к матери, либо утрачивает интерес к учебе. В обоих случаях страдают и мать, и ребенок, и семья, и общество» [2].

Таким образом, можно отметить, что процессы реализации законодательства, регулирующего религиозную сферу в СССР в 1929—1990 гг., имели, в числе прочего, и достаточно выраженный гендерный аспект. Особенности атеистической работы, к которой, в сущности, сводилось правоприменение, с женщинами и мужчинами были разными, как и методы давления на них. Анализ этих особенностей показывает, что давление на мужчин осуществлялось преимущественно через социальную сторону их жизни, с использованием всех возможностей партийно-государственного аппарата. Это было обусловлено и

тем, что в мужчинах могли видеть потенциальных священнослужителей, что требовало больших усилий, направленных на их индивидуальную проработку; без каких-либо последствий для себя ходить в храм мог только старый или большой мужчина. Атеистическая работа с женщинами была более направлена на семейную сторону их жизни; это было связано с тем, что в тот период социально активные женщины за редким исключением не жили церковной жизнью или же скрывали это. Ставка делалась на подрыв авторитета верующей матери в глазах ее детей и внуков, на противопоставление мужа и жены на религиозной почве. Применение советского законодательства в 1929—1990 гг. выходило далеко за пределы тех жестких и репрессивных для религиозной сферы жизни людей норм, которые были в нем прописаны.

Библиографический список

1. Белова Т. П. Женское православное общественное движение в современной России // Женщина в российском обществе. 2011. № 2. С. 100—107.
2. Галкина А. Как религия отнимает счастье у женщин // Рабочий край. 1960. 3 марта.
3. Глава РПЦ отметил подвиги православных женщин в СССР. URL: <http://www.google.ru/url?sa> (дата обращения: 05.07.2013).
4. Государственный архив Ивановской области. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 397.
5. Государственный архив Калужской области. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 726. Л. 5.
6. Государственный архив Костромской области. Ф. Р-2102. Оп. 5.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 2.
8. Государственный архив Смоленской области. Ф. 985. Оп. 2. Д. 72. Л. 7.
9. Государственный архив Тульской области. Ф. Р-3354. Оп. 1.
10. Законодательство о религиозных культурах : (сб. материалов и документов). М. : Юрид. лит., 1971. 336 с.
11. Ивановский епархиальный вестник. 1999. № 12.
12. Маслов Н. В. Благодатный старец. М. : Самшит, 1997. 78 с.
13. Поместный Собор Русской Православной Церкви 1988 года : материалы. М. : Изд-во Московской патриархии, 1990. 480 с.
14. Федотов А. А. Ивановская епархия Русской Православной Церкви в 1918—1988 гг. : внутрицерковная жизнь и взаимоотношения с государством. Иваново : [б. и.], 1999. 150 с.
15. Федотов А. А. История Ивановской епархии. Иваново : [б. и.], 1998. 243 с.
16. Федотов А. А. Расширение сферы деятельности женщин в Русской Православной Церкви в XX — начале XXI в. // Женщина в российском обществе. 2011. № 2. С. 93—99.
17. Человек Божий. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2001. 320 с.
18. Шафаревич И. Р. Законодательство о религии в СССР : (доклад Комитету прав человека в СССР). URL: <http://www.rodon.org/shir/zorvs.htm> (дата обращения: 23.10.2012).
19. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве. М. : Изд-во Крутицкого подворья, 1999. 400 с.
20. Экономцев И. Записки провинциального священника. М. : Вернал, 1993. 416 с.